

16+

Виктор Венцель

Gott ist Liebe

*Когда счастье ближе, чем
кажется*

Виктор Доминик Венцель

Gott ist Liebe

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462696

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99617-5

Аннотация

Глекнер – небольшой городок в Германии. Доминик Лоренц и его жена Лилли переезжают сюда из Дрездена и поселяются в старинном особняке, который насчитывает 28 комнат. Супругам очень нравится их замечательный дом, они счастливы, и с нетерпением ожидают появления на свет своего первенца. Однако, когда в доме начинают происходить необъяснимые, загадочные события, Доминик понимает, что старый особняк хранит много тайн. В нем по ночам раздаются звуки скрипки, сами собой в комнатах меняются картины и обои. К удивлению Лоренца, Лилли будто не замечает, что происходит вокруг, но сам он догадывается, что дом стал для них настоящей ловушкой. Это мистический триллер с захватывающим сюжетом и непредсказуемым финалом.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	18
Глава 4.	23
Глава 5.	28
Глава 6.	32
Глава 7.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Венцель

Gott ist Liebe

Антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы, животных, растения, природные явления, сверхъестественных существ, абстрактные понятия и прочее(с)

«...Он велел привести своего зятя Ицхака бен Симеона и его ученика, левия Якоба бен Хайим Сассона и поведал им тайну о возможности создания Голема: «Я требую вашей помощи потому, что для его сотворения нужно четыре стихии. Ты, Ицхак – стихия огонь, ты, Якоб – вода, я сам – воздух. Мы вместе создадим из четвертой стихии – земли, Голема»(с)

Легенда о Пражском Големе

Глава 1.

Снег не прекратился даже на утро. Темные тучи, устало навалившиеся на Глекнер еще вчерашним днем, сыпали белое конфетти снежинок с самой полуночи, превратив карту дорог в настоящее белое полотно. Мало того, что снегом перемело все основные выезды из города и пришлось ехать на такси, отказавшись от рейсового автобуса, водитель еще больше получаса блуждал по городу не в состоянии найти нужный адрес. День шел из рук вон плохо.

Доминика сегодня нервировало и раздражало абсолютно все, начиная от раннего пробуждения и поспешной поездки, и заканчивая таксистом с прогнозом погоды, который передавал совсем уж скверные новости. Доминик пробормотал проклятье, тоскливо выглянул в окно и покосился на водителя, не выпускающего из зубов окурок сигареты.

—Долго еще? Мы уже пятый круг нарезаем по этой трассе. И, пожалуйста, не курите внутри. Моя жена беременна. Я же просил.

—Почти приехали, не волнуйтесь, — отозвался его собеседник, дыхнув на Доминика клубом сизого дыма, — Как я и говорил, мало кто в такую погоду ездит в глушь на окраине. Нет ничего странного, чтобы слегка заплутать.

—Просто привезите нас наконец на место, — хмуро процедил Доминик, стараясь чтобы голос его звучал ровно, — И

выбросьте сигарету.

Таксист хмыкнул, но окурок отправил за окно. Доминик тяжело вздохнул, обернулся к Лилли, задремавшей на заднем сидении. Он нежно убрал с ее лица выбившуюся из-под шапки прядь светлых волос, аккуратно поправил шарф, чтобы не разбудить девушку и снова уставился на дорогу, тщетно пытаясь совладать с охватившим его раздражением. Бывают дни скверные, бывают дни неудачные, но последние две недели в Дрездене были настоящим сумасшедшим домом. Долгожданное повышение по службе, на которое Доминик метил вот уже два года, принесло с собой больше проблем, чем удовлетворения и радости от заслуженной победы. Бесконечные совещания и отчеты, кипы документов и важных деловых писем, унылые встречи с правящими верхушками администраций и директорами компаний вытрепали столько нервов, что не хотелось даже положенных за неудобство доплат. Хотя, нехотя признал Доминик, финансовое вознаграждение за такую суету было более чем достойным. Он знал, куда шел, и прекрасно осознавал все трудности, с которыми может столкнуться человек на его должности. С другой стороны, как замечательно было бы снова оказаться в том маленьком офисе, в Дрездене, а не ехать через заснеженный захолустный городок, где компания решила основать свое новое отделение.

Курить хотелось мучительно, но Доминик сдержался. Хватит и того, что здесь надымил этот нахал за рулем. Ка-

жется, что запах табака и пота вьелся не только в одежду водителя, но так же пропитал и кожаные сидения, и приборную доску. Доминик поморщился и постарался отвлечься. Да, почему бы не подумать про Лилли и их будущего ребенка, который, скорее всего, появится на свет как раз в этом городе, если, конечно, он не сумеет закончить все дела как можно скорее. Он поглазел на ряды черных замерзших деревьев, между которых бежала заснеженная полоса дороги и едва не задремал. Сказывалась суевливая ночь перед поездкой и потрепанные нервы, которые точно добавили его темным волосам немного седины.

Сколько минуло с этого момента времени, он не мог бы сказать, но машина затормозила так резко, что Доминик дернулся вперед. Он встрепенулся, хмуро поглядел по сторонам, уставился на вновь закудившего водителя.

—Что это...

—Это значит, что мы приехали, — хмуро отозвался тот, отчаянно чиркая зажигалкой, — Хаупт тридцать семь, как и заказывали. Ближе к дому после этого снегопада я не проберусь. Видите, люди прямо здесь бросают машины, — он ткнул грязным пальцем в одинокий форд, застывший у края обочины, — Но идти совсем близко — дом сразу за деревьями.

—Вы хотите сказать...

—Оплата по счетчику, — меланхолично сказал водитель, прочистив горло, — И доброго пути.

Когда Лилли вышла из машины, Доминик скрупулезно перерыл все портмоне, но отыскал сумму за проезд до последней монеты. Никаких чаевых за такое обслуживание. Неплохо бы и пожаловаться руководству этого хама, но сейчас он слишком устал и не хотел тратить время попусту. Уходя, нарочито громко хлопнул дверью. Раздражение спало, но вернулось почти сразу же, как только в лицо ударил пронизывающий ветер, от которого не слишком-то спасало его легкое пальто.

— Не надо было его отпускать, — хмуро заявил Доминик, поравнявшись с Лилли, — Города мы не знаем, да и указателей не видно. Черт знает, куда этот ублюдок мог нас привезти.

— Не будь занудой, — отозвалась Лилли, легко поцеловав его, — И не накручивай себя. Все будет в полном порядке. Нас даже встречают, видишь?

Невысокий полноватый мужчина, выбравшийся из одинокого форда у обочины, радушно помахал им рукой. Вид у него был такой цветущий, что Доминика едва не разобрал нервный смех. Впрочем, он быстро справился с собой, помогая Лилли перебраться через наваленный у края дороги сугроб.

— Герр Лоренц? — голос у встречающего их господина был мягким, а тон заискивающим, — Добро пожаловать в Глекнер. Я уже начал опасаться, что вы не доберетесь. Знаете в нашем городе постоянно какие-то аномалии с погодой.

–Прошу прощения за опоздание, – сухо ответил Доминик, пожимая протянутую руку, – Слишком долго ждали такси. Добраться до этого места совсем не так просто, как кажется. Меня зовут Доминик Лоренц, а это моя жена Лилли, герр?..

–Бергман, – подсказал тот, вежливо улыбнувшись, – Эмиль Бергман. Счастлив познакомиться. Я риэлтор от компании «У.М.Е.Р», вам, наверное, говорили обо мне...

–Ни слова, – заявил Доминик торжественно, – Но предупредили, что нас встретит человек, который покажет дом и передаст ключи. Надеюсь, мы не слишком задержали вас?

– Часом больше, часом меньше, – отозвался Эмиль уклончиво, – Большой роли не играет. Ваши вещи уже получены и ждут вас внутри дома. К сожалению, дальше придется идти пешком. После ночного снегопада проехать здесь просто невозможно. Постоянная проблема с этими дорогами.

–Мы совсем не против небольшой прогулки, – сказала Лилли, ткнув Доминика локтем, пока тот собирался выдать что-нибудь саркастическое и едкое, – Правда, милый?

–Абсолютная правда, – твердо ответил Доминик, обняв супругу за плечи, – Спасибо, что дождались нас, герр Бергман. Показывайте дорогу.

Глава 2.

Широкая дорога, уходящая в гору, петляла между высоких укрытых снегом деревьев. Небольшой пролесок дарил непроглядную бархатную тень. Неожиданно для себя Доминик подумал, что здесь будет очень красиво летом, когда кроны наверху кажутся изумрудными, а трава, под опрокинутым бирюзовым небом, будет ложиться под ноги настоящим ковром. Он с интересом оглядывался по сторонам, даже забыв о своем намерении закурить первую за это утро сигарету.

– Дорога была долгой, верно, герр Лоренц? – Эмиль, шедший немного впереди, одарил его широкой улыбкой, – К сожалению, руководитель Вальц не нашел достойного жилья ближе к центру. Жаль, что вам пришлось...

– Ничего страшного, – отозвалась за Доминика Лилли, – Мы все понимаем.

– Даже не знаю, что вы имеете в виду под словом «достойное», – едко ответил Доминик, хмуро взглянув на сопровождающего, – Судя по тому, что мне сказали по телефону, место, где мы теперь будем жить по долгу службы чуть ли не собственность местного музея, и едва ли не исторический памятник. Впрочем, не думаю, что представителю компании необходим замок или особняк. Вполне бы хватило и обыч-

ной гостиницы.

—К сожалению, «У.М.Е.Р» ведет переговоры с Глекнером совсем недавно, и этот вариант единственный, который мы можем вам предложить, — вздохнул Бергман, разведя руками, — Город маленький и, как следствие, вариантов было совсем немного. В преддверии Рождества все отели забиты. Остались свободными пара-тройка хостелов, но учитывая тамошние условия... Едва ли вы хотите жить и трудиться, соседствуя с тараканами, верно? Нет, герр Лоренц, ваш новый дом просто изумительный. Да и история у него довольно любопытная...

—Звучит так, как будто вы пытаетесь нам продать дом с привидениями, — сухо сказал Доминик, потянувшись к пачке сигарет, — Или что похуже.

—Нет, господин Лоренц, — голос Эмиля прозвучал обиженно, — Руководитель Вальц отметил вас, как подающего большие надежды сотрудника, и поручил мне найти для вас подходящее жилье. Из недвижимости в городе пока что только пара офисных помещений, да этот самый дом...

—И что же это за дом?

—Ну, стоит начать с того, — протянул Бергман, — Что в вашем распоряжении будет дом в двадцать восемь комнат, не считая цокольный этаж...

—Сколько комнат? — кажется, Доминик и Лилли произнесли эти слова в один голос.

—Да, двадцать восемь комнат, — заявил Эмиль, довольный

произведенным впечатлением, – Все верно, вы не ослышались. Плюс подвал и чердак. Общее количество помещений сорок четыре, если считать кладовые и две веранды.

–Господи, да это просто аристократический особняк, – хмыкнул Доминик, покачав головой, – Невероятно...

–Этот дом насчитывает больше двух веков, – заявил Бергман с таким видом, будто это была его личная заслуга, – Так что, вы прикоснетесь к настоящей истории. Возводили этот дом изначально, как городскую ратушу, когда Глекнер был совсем крохотным городком, но затем центр города сместили немного к югу, а на месте строительства решили поставить...

–Морг? – хмыкнул Доминик, – Или крематорий?

–До одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года здесь был открыт детский дом имени Святого Августина, – пространно пояснил Бергман, указав широким жестом куда-то за кроны деревьев, словно и не заметив реакции собеседника, – Самый большой приют из трех существующих в городе на тот момент. Вполне логично, что и название у него было соответствующее: назвали его «Gott ist Liebe». ..

–Приют под названием «Бог есть любовь»? – с сомнением переспросила Лилли, улыбнувшись, – Как-то слишком официально... И слишком длинно.

–К сожалению, у тогдашних католиков было не очень хорошо с воображением, – ухмыльнулся Брегман в ответ, – Но вот с религиозным воспитанием было на высоте. То, что вы

видите теперь, эта зеленая зона, была раньше парком внутреннего двора. Там, откуда мы приехали, прежде стояли кованые ворота, а здесь, где начали подниматься, находилась будка охраны и псарня. Это есть даже на нескольких фотографиях, можете взглянуть, если окажетесь в национальном музее или местной библиотеке.

—Непременно, если сумею выбраться в город из этой глуши. Впрочем, продолжайте. И что случилось с детским домом? — ворчливо вставил Доминик, усмехнувшись.

—Ничего заслуживающего внимания: пожилой хозяин приюта умер, состав прислуги был перестроен, а место владельца заняла его супруга, которая ничего не смыслила в своем новом деле. Поэтому, позже, когда стало понятно, что здание находится в аварийном состоянии, в одна тысяча восемьсот восемьдесят шестом году, его выкупил, буквально за бесценок, один приезжий меценат-промышленник, герр Альвин Гуммель. Большой энтузиаст и оригинал. Он закрыл приют, отреставрировал помещение, открыв на месте детского дома лазарет и крохотный завод по производству фармакологических средств. К сожалению, для Глекнера тогда было беспокойное время, и план господина Гуммеля не удался: если лазарет еще пользовался спросом, то фармакологическое направление прогорело. Вдобавок к этому, в доме произошел пожар, оборудование Гуммеля было уничтожено, и он остался у разбитого корыта, хотя огонь, как я слышал, довольно быстро удалось потушить. Никто тогда так и

не узнал, была это глупая нелепость или саботаж, но Гуммель покинул страну, передав право на владение недвижимостью тогдашним чиновникам. Долгое время оно находилось во владении мэрии, вплоть до начала Второй Мировой. Дом реконструировали, но долгое время так и не пользовался спросом. Только после войны дом приобрел герр Бахмайер, возвел несколько новых комнат и сделал своим родовым гнездом. В шестидесятых дом перешел его сыну, затем внуку. В конце девяностых дом снова выставили на торги, и бывший приют стал частью городской недвижимости. И у мэрии Глекнера его выкупил окончательно герр Вальц из корпорации «У.М.Е.Р». А теперь этот дом становится вашим. Знаете, бытует поверье, что каждый из живших в этом доме оставлял в нем частичку себя: прошлые жильцы вложили в эти стены всю свою любовь и душу. Жаль, что здание будет отправлено на перестройку. Позже, когда вы закончите дела и вернетесь в Дрезден, дом будет полностью отреставрирован, некоторые крылья снесут, возведут новые коридоры и палаты. Насколько мне известно, «У.М.Е.Р» собирается открыть там детскую больницу имени того самого Альвина Гуммеля, к началу следующего года.

–Изумительно, – хмыкнул Доминик, выпуская дым тонкой струйкой, – Там, наверное, за столько времени все заросло паутиной, а в стенах такие дыры, что можно просунуть кулак.

–Нет повода сомневаться в нашем профессионализме,

герр Лоренц, – обиженно произнес Эмиль, и Доминику впервые стало неловко, – Почти каждая из комнат приведена в идеальный порядок. Доски пола, кровля и черепица, стекла и двери заменены две недели назад, когда появились первые сведения о вашем приезде. Проведена система газового отопления. Отреставрированы два санузла, две ванные комнаты и две душевые на северной и южной стороне дома...

–Прошу прощения, если мои слова прозвучали резко, – начал Доминик примирительно, – Просто дом насчитывает больше двух веков, поэтому...

–Не стоит извиняться, герр Лоренц, я понимаю ваши сомнения. Тем не менее, я уверен, что дом придется вам по вкусу вам обоим, – проговорил Эмиль, указывая вперед, – Да и сами взгляните, разве он не прекрасен?

«Он прекрасен, – подумал Доминик, когда через несколько шагов стройные ряды промерзших деревьев подались назад, – Даже не просто прекрасен. Нет, он изумителен. Черт меня побери...»

Дом перед ними представлял собой внушительных размеров приземистое здание, с выложенным мозаикой гордым фасадом и двумя симметричными флигелями под вальмовой тяжелой крышей. В мрачное зимнее небо уходили две высокие дымящиеся трубы. Бросался в глаза мезонин, выходящий из мансарды, выполненный в темных бархатных тонах. Мрачно блестели натертые стекла, черной лентой ви-

лись наличники. Фундамент был выложен диким камнем, строго, но со вкусом. Цокольный этаж скрыт в глубоком снегу. К массивному висячему крыльцу, опирающемуся на консольные выпуски бревен-кронштейнов, вела анфилада монолитных каменных арок, чередующихся с укрытыми снегом рядами клумб и цветников.

Гротескный замок из далекого прошлого, чей внешний вид отдавал таким древним ампиром и нелепой помпезностью, что казался декорацией к какому-то фильму. Вместе с тем, была некая прелесть в этой суровости камня, строгости черт, симметричности помещений и скатов.

Доминик прикинул в уме размеры дома и тихо присвистнул:.

–Общая площадь этого особняка больше тысячи четырехсот квадратных метров, – ухмыльнулся Эмиль самодовольно, прочитав изумление на лице Доминика и Лилли, – Не считая надворных построек, конечно же. И без учета мансарды, да и всего чердака.

–Это здание... одноэтажное? – голос Лилли казался совсем непривычным для этого места. Слишком тонким и легким.

–Да, видимо в те древние времена, когда здесь стоял детский приют, строители решили, что растянуть здание вдоль, очень хорошая затея, – пожал плечами Эмиль, вынимая связку ключей из кармана куртки, – Кажется, раньше это называлась казарменным типом строительства. Взгляните, вот

этот ключ от входа, этот от первой задней двери, этот от второй, а этот – от третьей. С резной головкой ключ от чердака, с потертой – ключ от подвала. Запомнить сразу тяжело, но у вас точно будет время, чтобы осмотреться и хорошенько в этом разобраться. Все остальные ключи, к сожалению, не пронумерованы, но вы сможете подобрать их к нужным замкам. В доме запирается почти каждая дверь, кроме ключевых помещений – кухня, столовая, туалет...

–Давайте зайдем в дом, – предложил Доминик, – Становится прохладно, и я не хочу, чтобы Лилли...

–Конечно, – спохватился Бергман, пропуская девушку вперед, – Внутри и закончим. Я как раз велел разжечь огонь в камине.

Глава 3.

Внутри дома царила густая тишина, разбавленная только треском поленьев в пасти камина. Пахло хвоей и морозом. Тусклый свет падал косой линией через широкие окна, разлетался яркими брызгами от пламени, стелился от электроламп под потолком, рождая смутные волнующиеся тени. Доминик расстегнул воротник пальто, развязал шарф, прошелся из стороны в сторону, ощущая, как под ногой слегка пружинят свежие доски пола.

–Так вы говорите, что на цокольном этаже нет окон? Почему?

–Видимо, так повелось еще со времен приюта, – кивнул головой Эмиль, наблюдая за восторженной Лилли, исследующей закоулки новой гостиной, – Цокольные помещения и подвал использовались для складских нужд и комнат прислуги, детям туда был вход воспрещен. Отсутствие окон в таких местах спасает сорванцов от желания залезть туда, куда им лезть не следует, если вы понимаете, о чем я. Насколько я могу судить, и следующие хозяева дома не слишком-то эксплуатировали подвал, раз даже толком не провели туда освещение. Сейчас свет есть в каждом уголке вашего дома. Даже на чердаке. Сейчас там склад строительных материалов, да старых вещей, которые скоро отправятся на свалку. Эта же

участь постигла и дальние комнаты – там сейчас полно строительного мусора, но в течение этой недели с ремонтом будет покончено. Запомните, можно включать свет вручную, можно использовать пульт – найдете его на журнальном столике в вашем кабинете. Но думаю, двадцати комнат для двоих человек вполне достаточно. Даже для троих, – Бергман позволил себе улыбку, – В этих местах давно не звучало детского смеха. Мы взяли на себя ответственность и оборудовали вам временный кабинет. Третья дверь налево в центральном коридоре для вас, пятая – для фрау Лоренц. Мы запомнили ваши предпочтения, и знаем, что ваша фрау увлекается скульптурой и лепкой. В ее кабинете очень просторно и есть где размахнуться творчеству. Ваши вещи перенесли как раз туда. Третья дверь справа – спальня, шестая – кухня, седьмая – столовая. В холодильнике есть продукты, так что на первое время вполне хватит. Все остальные комнаты пустуют, но можете использовать их по собственному разумению, если хотите. Думаю, детскую комнату можно устроить в восьмой комнате в южном крыле – это самое светлое помещение и там чудесный вид из окон.

–Спасибо за ваши труды, герр Бергман, – выдавил из себя улыбку Доминик, поворачиваясь к собеседнику, – Мы очень ценим это.

–Всего лишь моя работа, – отозвался Эмиль смущенно, – Рад, если смог вам угодить. Ключи я вам передал, а если возникнут какие-то вопросы, всегда можете найти мой номер

в вашем кабинете – я оставил там свою визитную карточку. Единственным неудобством можно считать отсутствие проводного телефона, но здесь отлично ловит мобильная связь. Звоните мне в любое время.

–Обязательно, – кивнул Доминик, – Спасибо за заботу.

–Герр Вальц просил передать, что ждет вас в офис через четыре дня. Пока есть время, можете как следует освоиться в доме.

–Есть идеи, как я смогу добраться до центра города в такую погоду?

–Отсюда, с окраин, часто ходит рейсовый автобус, но если снова переметет дороги остается только такси. Впрочем, не переживайте – социальные службы проводят уборку местности почти ежедневно, так что в офис доберетесь безо всяких проблем. Если будет что-то нужно, просто наберите меня, и вместе мы сможем решить проблему.

Слова Бергмана почему-то показались Доминику фальшивыми, но он быстро взял себя в руки, стараясь ничем не выдать свое настроение.

– Спасибо, – просто сказал Доминик, пожимая на прощание руку. – Я это запомню.

Формальные обмены любезностями угнетали особенно. Доминик не любил этого ни в офисах, ни в отделах, ни в реальной жизни. Звучат они всегда так неуместно и лживо, что аж зубы сводит. Впрочем, этого требует этикет. Еще четверть часа ушла на обсуждение малозначительных дета-

лей, а-ля техник приходит по средам и пятницам после вызова; электрощиток на случай аварии в подвале; газовый котел неподалеку, нужно только повернуть ручку; телевизор ловит всего два канала; туалет прямо по коридору; да-да я запомню и прочий несусветный бред. К концу разговора Доминик чувствовал себя уставшим и изможденным.

Когда дверь за Эмилем захлопнулась, то только тогда он наконец-то позволил себе выдохнуть. Забытое раздражение снова начало подниматься удушливой волной, накладываясь на пережитое волнение и усталость. Он скинул пальто, бесцельно перебрал бумаги на журнальном столике, заботливо оставленные риэлтерским отделом корпорации «У.М.Е.Р» и наконец устало опустился в тяжелое кожаное кресло напротив камина. Сидеть было непривычно, но мягко и довольно удобно. Мягкое нежное тепло убаюкивало. В то мгновение, когда Доминик уже начал клевать носом, ласковые руки Лилли обвили его шею.

– Знаешь, ты мог бы быть и поучтивее с этим Бергманом, – заметила она, склонившись к нему на плечо, – Свою работу он выполнил на ура. Даже не верится, что в нашем распоряжении целый особняк. Да, что там, замок! И это после той тесной квартиры в Дрездене, Доми.

– Слишком устал, чтобы быть учтивым, – улыбнулся Доминик, обняв жену в ответ, – Кажется, этот город на меня плохо действует. А может, дорога утомила...

– Как хорошо, что можно сменить обстановку, правда? Я

так рада, что поехала сюда с тобой. Только представь себе, как счастливы мы будем вдвоем, в этом доме.

— Да, — сказал Доминик, бросив взгляд на укутанные тенями высокие потолки, — Представляю, милая. Мне кажется, это очень хороший дом.

Глава 4.

То, что в Дрездене было тремя громадными чемоданами и целой горой коробок, набитых необходимыми для переезда мелочами, теперь, внутри настоящего особняка, казалось просто горсткой нелепого скарба. Доминик потратил около получаса на распаковку вещей, затем еще четверть часа на их расстановку в собственном кабинете, который был слишком огромным и пустым, если не считать тяжелого дубового стола, кожаного кресла, да целого ряда картин в пастельных тонах, которые больше бы подошли спальне, нежели рабочему месту. Он безрезультатно перекладывал книги с полки на полку, веером раскладывал бумаги, расставлял пепельницы и рамки с фотографиями так, чтобы занять как можно больше места, но кабинет все равно давил на него невозмутимой пустотой. Доминик пощелкал кнопками пульта, выбирая наиболее удачное освещение, но все равно остался недоволен: света было или слишком много, или совсем недостаточно, что вовсе не вязалось с необходимой атмосферой. В конце концов, Доминик махнул рукой на собственные старания и присоединился к Лилли, занятой обустройством спальни. У Лилли дела с наведением порядка обстояли намного лучше. Два резных деревянных шкафа, крохотные тумбочки по обеим сторонам невероятных размеров

кровати и громадное окно, завешанное тяжелыми бархатными портьерами, теперь даже отдавали домашним уютом и не казались экспонатом на музейной выставке. Предложив свою помощь, и получив отказ, Доминик вернулся в гостиную, проверил замок на входной двери и поплелся обратно в свой кабинет, поигрывая в руках маленьким пультом.

Переезды всегда действовали Доминику на нервы. Новые апартаменты угнетают, будь это номер отеля, отдельный коттедж или целая квартира, выделенная руководством на время командировки. Все это было одноразовым, чужим и слишком личным. Как чужая зубная щетка, например, а пользоваться чужим, Доминик не привык. Женщинам в этом плане намного проще, думал он. Они легче переносят изменения, да еще и обладают магией создавать домашний уют там, где любой мужчина только развеет руками. У женщин совсем иное понимание красоты, полностью отличное от мужского, поэтому Доминик предоставил это занятие своей жене. Пока супруга занималась распаковкой вещей, Доминик не меньше получаса проблуждал по бесчисленным комнатам дома, запоминая расположение помещений и проверяя в действии связку ключей, оставленную Бергманом. Даже заглянул в подвал, вооружившись пультом, после чего разочарованным поднялся обратно, так и не найдя ничего, что заслуживало бы внимания. Только утоптаный земляной пол, низкие серые стены, да одинокие лампочки, свисающие с балок над головой.

Дальние помещения были отданы под склад строительных материалов, так и не пригодившихся рабочим во время ремонта. Доминик без интереса прошелся мимо рядов красок и кистей, обрезков линолеума и стопок керамической плитки, поглазел на заштукатуренные стены и местами просевший пол, после выключил в комнате свет и прикрыл дверь. Продолжать исследование уже не хотелось.

Чердак он нашел сразу же, но решил оставить его на следующее утро. Учитывая слова Бергмана о том, что хлама там достаточно, а вот со светом проблемы, совсем бы не хотелось сломать ногу, поскользнувшись на какой-нибудь безделице. Доминик попытался подобрать ключи к паре дверей по обеим сторонам коридора, но потом решил, что не видит в этом никакой необходимости.

Не вызвала энтузиазма и кухня, слишком просторная и пустая, чтобы чувствовать себя в ней уютно. Он распахнул дверцу холодильника, изучил выставленные на полках консервы, скривился и отправился дальше по коридору, подумав, что не слишком-то и голоден. Лучше перекусить завтра с утра, когда он встанет с новыми силами.

Спустя несколько часов, лежа на огромной холодной кровати, ворочаясь с боку на бок, Доминик долго не мог заснуть. Сон упрямо не желал приходить, не смотря на усталость и нервное напряжение. Такое случалось и раньше, в дни переезда – спать на новом месте ему было всегда тяжело. Сейчас он обнимал одной рукой Лилли, бережно укрыв ее оде-

ялом, смотрел в синюю темноту окна, выглядывающую из-за шторы, и прислушивался к тишине, которой было наполнено их новое жилище. Немного позже он понял, что это не совсем тишина, и даже не беззвучие: потрескивали угольки в догоревшем камине, мерно гудел генератор и газовый котел в подвале, поскрипывал ветер по крыше дома, шелестел непрекращающийся снег, падая белой вуалью на стекло. Все эти звуки теперь должны были стать неотрывной частью его новой жизни. Как когда-то стал привычным и родным шум трассы за окном, ругань соседей через стену, полицейские сирены в ночной тишине. Доминик подумал, что теперь ему предстояло осознать, что тишина отличается друг от друга так же сильно, как полная жизни Дрезден отличается от сонного безмолвия Глекнера.

Электронные часы на тумбочке у кровати показывали уже без четверти три, когда Доминик начал клевать носом. Сон приходил медленно и неохотно, как упрямый зверь, которого волокут на цепи. Он снова видел Дрезден таким, каким запомнил его в день отъезда. Он опять видел улочку недалеко от центрального парка, где они гуляли с Лилли этой зимой. Перед ним представала старая маленькая квартира, в которой они провели последние шесть лет, пока Доминик не получил повышение. Шесть долгих лет брака, казавшиеся теперь мимолетным мгновением, состоящим из черно-белых полос. Пожалуй, черных было даже больше – последние три года были невероятно тяжелыми для Доминика и Лил-

ли. Финансовые проблемы, завалы на работе, рутина, перешедшая в ссоры и скандалы, еще и неудачная первая беременность, закончившаяся выкидышем — все это навалилось на их брак, как каменная лавина. Никто из них не знал, как им удалось выстоять и сохранить то небольшое, что осталось. Перед глазами Доминика, как в ускоренном кино, проносились моменты прошлого, закручиваясь в невероятный узел, или превращаясь в бесконечную ленту Мебиуса. Впрочем, теперь все должно было сложиться по-другому. Они здесь, в Глекнере, хозяева огромного особняка, в котором через два месяца появится на свет их первый ребенок. Не отдавая себе отчета, Доминик улыбнулся этим мыслям, медленно и steadily переходящим в крепкий сон.

Перед тем, как сон навалился на него окончательно, Доминик подумал, что все-таки счастлив, и слова Лилли о прелестях совместного переезда вовсе не лишены смысла.

Глава 5.

Двадцать две ступени из хромированного металла ведут к заветным дверям фабрики. Тридцать четыре спускаются на нижний этаж, двести двенадцать достигают минус третьего этажа и подходят прямоком к цеху Реконструкции. Добавить еще сто тридцать четыре сегментированных ступени до насосной станции, и сто восемьдесят семь до рабочих туннелей. Так мы получим приблизительный объем помещения. Не самое значительное сооружение, которое возводили по изначальному плану, но как раз оно должно быть самым эффективным. Опыт прошлых попыток, помноженный на новые знания, всегда дает положительный результат. Не меньшую роль играет расположение Объекта – наличие прибрежной зоны города развязывает руки, и позволяет отводить отходы производства от фабрики прямо в реку.

На проходных фабрики пахнет жжженным маслом, резиной и кожей. Блестящие хромированные трубы входят в стены под острым углом, становясь точно по центру. Два медных вентиля врезаны в металл оковки по обеим сторонам. Один регулирует подачу пара, другой отвечает за его давление. Если все сконструировано точно по набросанному плану, то трубы проложили под землей, засыпав места стыков грави-

ем и обмотав резиной на глубине полуметра. Редкая перфорация, выводящая наружу посредством узких шлангов, поможет определить, какой сегмент повредился в случае поломки, когда по этим трубам пойдет пар. Так они не мозолят глаза редким посетителям запретной территории, и не мешают передвижению грузов, необходимых для производства.

Сегодня утром восемь рабочих разгружали закрытые ящики, перемотанные коробки и доверху набитые мешки. Все сырье поступает по соседней ленте конвейера на склад, оттуда разносится по этажам и цехам. На каждом этаже – до трех цехов. В каждом цехе не меньше трех человек. Кто-то остался здесь еще со времен прошлого хозяина, кто-то прибыл на службу позже.

Итого, организм производства обслуживают одновременно не меньше сорока человек. Уменьшение рабочей бригады неизбежно приведет к рассеянности внимания сотрудников, а в результате, и к поломке, а на данной стадии исследований подобная ошибка фатальна.

Пар будут гнать по венам трубопровода до самого Объекта. Трубы зациклены в одной точке, определенной чередой долгих математических расчетов. Сферический котел конденсатора установлен точно промеж них. От блестящего стекла циферблатов и таблиц уже рябит в глазах, но их показания жизненно необходимы. Левый указывает величину нагнетенного в котле давления, правый – внутреннюю тем-

пературу, средний отвечает за заряд, поглощенный от аккумулятора и передающийся из цеха переработки в цех Реконструкции.

Трубы выходят из самого сердце фабрики, стелятся прямо под землей, спускаясь на цокольные и подземные этажи, где сейчас вовсю кипит работа. Общая длина трубопровода – три с половиной километра. Его привезли из самого Берлина, несколькими сегментами в шесть заходов. А химикаты для обработки прибыли из России на корабле – но тут все было проще и дело обошлось двенадцатью ящиками.

Лента конвейера безостановочно стучит обломками угля, когда рабочие вываливают очередную тележку и разбирают топливо лопатами. Блеклый лунный свет отражается в стеклах фабрики туманно и размыто, словно в болотной воде – внутри цеха, тем более под потолком, мало света, зато удалось протянуть удобную и очень эффективную цепь освещения на нижние уровни и этажи, где это кажется более логичным и правильным.

Ярко залит светом и кабинет управляющего. Сегодня здесь тихо играет оперетта «Венская кровь» Штрауса, а вчера звучала речь одного из рабочих, который оправдывался за разбитый им ценный сосуд с химикатами. Я улыбнулся ему, даже хлопнул по плечу, сказал, что в этом нет никакой беды, но ему стоит быть осторожнее. Когда он, ободренный моими словами, направился к двери, я выстрелил ему точно в затылок.

Кровь, осколки черепной коробки и мозговую субстанцию на стенах убирали до глубокого вечера.

Глава 6.

Снег не прекратился и на следующее утро, но даже и эта проблема не могла испортить хорошего настроения Доминика, проснувшегося немного раньше Лилли. Чувствовал он себя немного разбитым после тяжелого сна, полного смутных образов и неясных силуэтов, бесконечных дорог и закрытых дверей, но после первой кружки кофе сон поблек, потускнел и пропал окончательно, оставив после себя только неприятное послевкусие. Доминик приготовил завтрак, стараясь не разбудить Лилли, вышел из дома, накинув пальто, и закурил первую сигарету, любясь красотой заснеженной природы. В свои тридцать два Доминик успел посетить несколько стран, и теперь мог сказать со всей ответственностью, что ни в одной стране, где довелось побывать, нет такой сказочной и красивой зимы, как в Германии. Дело было даже не в приближении Рождества, которое и без того не за горами. Просто в таких местах ощущение чего-то волшебного, предвкушение чуда, чувствуется намного ярче и острее, чем где-либо еще.

Он неспешно изучил надворные постройки, заглянул в оба флигеля, поглазел на огромную ель, выросшую у правой стены дома, зашел на застекленную веранду, стараясь представить себе, как этот дом должен был выглядеть накануне

Рождества два века назад, когда здание окружал тяжелый кованный забор, а над воротами виднелась готическая надпись «Бог есть любовь». В голову не пришла ни одна стоящая идея и, в конце концов, Доминик понял, что зверски замерз. Он выбросил сигарету и поспешил в дом. К моменту его возвращения Лилли как раз должна была проснуться.

День клонился к полудню, когда Доминик наконец-то навел сносный порядок в своем кабинете, и комната приобрела более-менее приличный вид. Возможно, все дело было во вчерашней усталости, а быть может, в совсем другом освещении, ведь теперь через широкие окна стелился ровный белый свет, но результат работы ему даже понравился. Единственное, что портило впечатление, так это убогие картины, поэтому Доминик снял их все до одной. Вышло еще более удручающе: мрачные голые стены не прибавляли уюта. Не исправили ситуацию и развешанные совместные фотографии – или их было слишком мало, или пафос кабинета требовал более серьезных решений, так что над интерьером следовало еще подумать. Не найдя ничего лучше, он присоединился к Лилли, разбирающей последние чемоданы в своей комнате. Дом начинал нравиться Доминику по мере появления в его стенах знакомых и дорогих сердцу вещей, которые они прихватили из Дрездена с собой. Так что, когда последнее покрывало легло на кровать, а тяжелые портьеры, которые укрывали окна, сменили легкие прямые шторы, Доминик признался себе, что вчера немного перегнул палку, и

их новый дом совсем неплох. Впрочем, при дневном свете многие проблемы решаются сами собой.

Спальню они привели в порядок совместными усилиями, передвинув кровати и сменив тяжелые портьеры на легкие шторы. Единственное, что вгоняло в тоску – это покрашенные в зеленый цвет голые стены да пара дешевых пейзажей, и Доминик решил заняться ремонтом в ближайшем будущем.

Первую небольшую прогулку они совершили через несколько часов, когда снег, казалось, устал осыпаться на землю из разорванной небесной перины, а ветер стал тише завывать в высоких черных кронах. Лилли тогда предложила прогуляться вокруг дома, развеяться и взглянуть на окрестности при свете дня, чему Доминик был даже рад.

Не смотря на то, что двор был завален снегом, и иногда сугробы доставали до колен, им удалось отыскать прямую дорожку вдоль правого крыла, откуда открывался чудесный вид на прилегающий парк. «Мы словно маленькие дети, которые приехали на каникулы к дальним зажиточным родственникам, – подумал Доминик, обнимая Лилли за талию, – У этих родственников шикарный дом, полный шкафов и скелетов, в которые запрещено заглядывать, а в подвале, наверняка, целая гора сокровищ. Или мертвецов, как было в одной из книг Виктора Венцеля».

К концу часа, когда ветер стих почти окончательно, а снег, напротив, ударил с прежней силой, Доминик взобрал-

ся на небольшую возвышенность, образованную двумя здоровенными валунами, привалившимися друг другу, Лилли же больше интересовал внутренний двор. Немного дальше, с вершины холма, поросшего жесткими облетевшими кустами, был виден заснувший в зимней стуже старый городок Глекнер, перемигивающийся фонарями и окнами далеких домов. Доминик подумал, что его вчерашние тревоги не слишком-то себя оправдали. Пусть дом и находится на окраине, добраться до жилой части города не составит большого труда даже пешком – часа ходьбы вполне хватит, чтобы выбраться на оживленную трассу, а оттуда, учитывая размеры Глекнера, и до центра рукой подать. На какое-мгновение ему стало неловко за вчерашний тон разговора с Бергманом, но обдумать эту идею он так и не успел.

–Эй, Доми, подойди-ка сюда. Ты должен это увидеть.

–Что, милая? О чем это ты?

–Просто подойди сюда, Доминик.

Лилли ждала его возле здоровенной ели, которую Доминик заприметил еще сегодня утром, решив, во что бы то ни стало нарядить ее на Рождество. Прямо возле правой стены дома, примыкая к одной из бесконечных комнат, среди наваленных за последние дни сугробов виднелся ровный квадрат расчищенной от снега земли. Снег убирали так тщательно, что в глаза бросалась промерзшая земля и редкие кустики травы, облепленные льдом и снежинками. Доминик присвистнул, потер подбородок, взглянул на супругу, задумчиво

разглядывающую ровный квадрат.

– Как думаешь, Доми, что это?

– Понятия не имею, – отозвался Лоренц смущенно, и не солгал, – Наверное, пока мы были дома, утром, ребята Бергмана занимались своей работой, решив нас не беспокоить. Помнишь, он вчера говорил, что ремонт еще не закончен. Может, строителям понадобилось место под склад. Или хранилище...

– Доминик, в этом здании сорок с чем-то комнат, из которых мы занимаем только три, – сухо произнесла Лилли, и Лоренц понял, что его супруга нервничает. Иначе так официально его никогда не называла, – И ты думаешь, им проще расчистить место за домом, прямо в разгар снегопада, чтобы стаскивать сюда строительный мусор, чем организовать хранилище внутри?

Доминик пожал плечами и сконфужено умолк. Он подошел ближе, опустился на одно колено, покачал головой:

– Черт, да здесь, будто все по линейке вымеряли. С ума сойти.

– Знаешь, Доми, я хочу, чтобы ты поговорил с этим Бергманом. Не знаю, как тебе, но мне уж точно не нравится то, что по участку того дома, где мы живем, ходит любой желающий. Мало того, что здесь нет ни ограды, ни забора, так они еще имеют наглость приходить без спроса, – голос Лилли становился резким, в нем слышались металлические нотки, которых Доминик не выносил, – Если нам предстоит прове-

сти здесь не меньше полугода, нужно подумать о том, как обезопасить свою семью, разве нет?

–Ты полностью права, дорогая, – механически согласился Доминик. Он поднялся на ноги, шагами измерил стороны квадрата, прикинул в уме цифры и покачал головой:

–Не скажу точнее, но здесь где-то шестьдесят квадратных метров. Ума не приложу, зачем ребятам Бергмана понадобилась такая площадка. Но, когда вернемся домой, я ему позвоню. Не переживай, милая.

–Пройдет еще немного времени, и они будут ходить у нас по дому, – хмуро сказала Лилли, беря мужа за руку, – Знаешь, Доми, думаю, что нам хватит прогулок на сегодня. Ветер усиливается. И мне здесь неуютно.

Глава 7.

Первый звонок с мобильного телефона был совершен в одна тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Сам телефон весил почти килограмм, и разряжал свою полную батарею за полчаса даже без интенсивного использования. Доминик с неприязнью покосился на мобильник в руке, искреннее жалея, что времена без сотовой связи так давно миновали. Тогда это спасало людей от многих проблем, кстати говоря.

Визитная карточка была выбита на самой дешевой глянцево-бумажной бумаге. Крупными буквами, с невероятным официозом значилось: «Господин Эмиль Бергман», а немного ниже, набрано шрифтом поменьше: «Отдел земельных и имущественных вопросов. Часы работы 8.00-18.00». Дальше располагался номер телефона, и сразу под ним было отпечатано: «Корпорация «У.М.Е.Р» Наше единство ведет к процветанию всего мира». Скромно, но со вкусом.

Доминику всегда нравилась эта аббревиатура, расшифровывающаяся просто и незамысловато: Управление Международного Естественного Развития. Была какая-то замечательная ирония в этих четырех заглавных буквах. Да и полное название собственной должности вызывало у него улыбку: «Уполномоченный представитель У.М.Е.Р. по делам с общественностью». Звучало мрачно, но забавно.

Доминик сидел за столом в своем кабинете, откинувшись на спинку кресла. В правой руке он держал мобильный телефон, слушая один за другим унылые гудки, в левой сжимал визитную карточку, постукивая углом о край пепельницы. Голая стена напротив портила настроение. Как и ряд безвкусных картин, выставленных у двери.

«Отнести весь хлам на чердак, – подумал Доминик отстраненно, – Пусть сами разбираются с этим наследием. О вкусах, конечно, не спорят, но лучшее место для таких творений – это топка камина или свалка».

Эмиль поднял трубку после шестого гудка. Голос его звучал настолько жизнерадостно, что Доминик поморщился, как в день первой встречи.

–Герр Бергман? Это Лоренц из особняка на Хаупт тридцать семь...

–Доброго вечера, господин Лоренц. Надеюсь, у вас все в порядке?

–Не вполне, – хмуро заявил Доминик, ощущая, как к нему возвращается привычное раздражение, – Мне бы хотелось узнать, зачем вашим ребятам понадобилось сегодня приезжать на этот участок, даже не поставив нас в известность. Это немного не вяжется с политикой личного пространства и простым этикетом.

–Прошу прощения, герр Лоренц, в следующий раз обязательно предупредим заранее, – заявил Эмиль поспешно,

и Доминик ощутил смутное удовлетворение, – Я хотел позвонить вам раньше, но в городе довольно сильно барахлит связь из-за погоды. Я решил, что вы, и ваша супруга устали после переезда, и решите отдохнуть. Поэтому строительная бригада не стала вас будить. Они оставили некоторые инструменты в мастерской к северу от дома – лопаты, молотки, отбойники. Не обращайтесь на них внимания...

–Я понимаю вашу позицию, но впредь, прошу вас, согласовывайте со мной свои планы, герр Бергман, – отозвался Доминик, представив себе бледную физиономию собеседника, что его немало повеселило, – И ко всему прочему, есть ряд вопросов, касательно ограды нашего участка, который я бы хотел с вами обсудить.

–Этот разговор лучше продолжить при личной встрече, – ответил Эмиль, немного подумав, – Не возражаете, если я загляну к вам, в этот четверг? Может быть, даже подвезу вас до дома после первого рабочего дня.

–Тогда на том и договорились, – хмуро сказал Доминик и с облегчением скинул звонок, не дав вставить собеседнику ни единого слова. Официальные беседы с представителями других отделов и структур были почти такими же отвратительными, как личные встречи. За последние годы он наслушался фальшивой вежливости на всю жизнь вперед.

Доминик поморщился, потянулся было к пачке сигарет, но тут же отдернул руку. Курить в помещении, пусть даже таком громадном, было для него верхом нахальства. Не хва-

тало еще, чтобы дым потянуло в коридор, а то и в кабинет Лилли. Конечно, сейчас она занята приготовлением ужина на кухне, но зачем доставлять любимому человеку неудобства?

Он поднялся, выглянул в засыпанное белым снежным крошевом окно, натянул свитер и выбил из пачки очередную сигарету. Уже на выходе остановился, посмотрел на стопку картин в безвкусном обрамлении и, подхватив их подмышку, вынес все до последней в коридор.

***

Кабинет Лилли был переоборудован в маленькую скульптурную мастерскую еще в день их переезда. Грузчики доставили упаковки декоративной глины, мешочки гипса, баночки с масляной краской, наборы кистей, сложив весь инвентарь возле дальней стены. Центральное место заняли отдельные кейсы, содержимое которых Доминик знал только поверхностно, и терялся в изобилии названий инструментов. Стеки, стеки-петли, штихели, косарики, клюкарзы, цикли, скаргели – как с ними управляться, и зачем они нужны, Доминик даже не представлял. Лилли же занималась лепкой уже давно, и несколько раз в Дрездене, проводила собственные выставки. Конечно, до эстетики музейных экспонатов было далеко, но талант и приобретенное мастерство делали свое дело. Доминик гордился занятием супруги. Творчество, от которого он был так далек, привлекало и завораживало.

Лилли велела Доминику передвинуть несколько шкафов, убрать целлофан и коробки, развернуть к окну невысокий, но крепкий стол с широкой крышкой – вышло громоздко, но внушительно.

Доминик любил наблюдать за работой супруги, восхищаясь тем, как бесформенная глиняная глыба превращается в ее руках в изящную статуэтку, замысловатую фигурку или изысканный адорант. Но в то же время понимал, как ценит любой творческий человек свое личное пространство. Он заглянул в дверь кабинета, понял, что супруга занята, и решил ее не беспокоить. Он прошел еще не меньше двух десятков шагов, прежде, чем увидел искомое.

Чердак находился в конце длинного прямого, как стрела, коридора, полного закрытых дверей, к которым Доминик так и не смог подобрать ключи. Или Бергман что-то напутал со связкой, или замки давно пришли в негодность, но войти внутрь он не сумел. Не то, чтобы доступ в эти помещения был необходим – здесь это было делом принципа. Тем более, Доминик ничего не мог поделать со своей антипатией к Бергману, так что подкинуть ему парочку проблем было весьма важным делом. Перебирая в уме список неотложных вопросов, которые необходимо решить в четверг при встрече, Доминик поставил очередную галочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.